

УРАЛЬСКАЯ ШКОЛА ПОЭЗИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Преподаватели и студенты ИФК и МК УрГПУ приняли участие в ежегодном поэтическом фестивале «СловоNova», проходившем в Перми 7-10 декабря 2011 г. В программе фестиваля значились имена: Лев Рубинштейн, Владимир Мартынов, Евгений Роизман, Виталий Кальпиди, Вера Полозкова, Гарик Оситов, Андрей Родионов, Адольфыч (Владимир Нестеренко), Орлуша (Андрей Орлов), Псой Короленко, Федор Сваровский, Виктор Топоров, Александр Горнон, Александр Кабанов и другие. Спецификой фестиваля этого года стало обсуждение третьего тома «Антологии современной уральской поэзии (2004-2011)», подготовленного В.О. Кальпиди. Дискуссии развернулись вокруг проблемы существования особой школы уральской поэзии: есть ли некое единство, отличающее творчество уральцев от поэзии других регионов, или это просто собрание под одной обложкой стихотворений поэтов, биографии которых как-то связаны с Уралом? Насколько существенны «привязки» поэзии к конкретному времени и географическому месту?

Публикуемые ниже материалы подготовлены по следам фестиваля.

Н.В. Барковская

ПОЙМАННОЕ ЭХОМ: КНИГА СТИХОВ ЕЛЕНА СУНЦОВОЙ «ПОСЛЕ ЛЕТА»

В стихах Е. Сунцовой¹ привлекают чистый голос и естественность интонации. Камертоном звучит уже название книги «После лета»: два двусложных слова, связанных созвучием-повтором слогов, чередованием *n* и *m*, порождают ощущение лепета, шелеста – как в листопад, которым завершается лето. Ее стихотворения написаны без красоты («гламура»), но и без нарочитой грубости или вычурности.

Это будет не зима,
это будет полутьма,
полутьма коснётся тех,
кто зимы наденет мех.
Пусть, как шуба, меховой,
снег укроет путь домой,
полущуба, полумгла,
вот и я полуушла.²

Ритм этого стихотворения напоминает ритм считалки «Вышел месяц из тумана...»: тот же 4-хстопный хорей, смежная рифмовка, сплошные мужские окончания. (Впрочем, исходный текст тоже используется Е. Сунцовой в другом

стихотворении, но не буквально воспроизводится, а в сильно трансформированном варианте: «Восходит месяц, белокож, / тонкой струйкой виснет. / Из кармана вынет нож, карандаш очинит, тощ – / снова стружка брызнет...»). После лета наступает осень, после света – сумерки, полумгла (подчеркнутая ассонансом [y]) скрывает то, что совсем недавно было очевидно, а именно – *путь домой*, откуда героиня *полуушла*. Частица *полу* – становится главным «сюжетом» стихотворения, как, например, *пере-* у Ходасевича или *рас-* у Цветаевой. Считалка кончается безговорочным «Выходи, тебе галить», ответственность в новой жизни ожидает и героиню данного стихотворения, но она совершает жест оглядки, полуоборота головы в детство, в родной город, в Россию:

Глядя, как медленно спит зима
в белых ладонях тьмы,
не поворачивай, голова,
к памяти головы.
<...>
в школу ведет заводской гудок,
ты прекращаешь спать,
дышишь на двери трамвая ртом,
чтобы порисовать. (27)

Сновидение возвращает к тагильскому родительскому дому:

Второго, третьего, второго —
шепни — не существует дома,
где плоть сгущённая сверкает,
и ярче этого мелка нет?
Пусть сон петлёй идёт по следу,
почти равняется ответу,
хвост исчезающий кусает,
с размаху к первому бросает. (5)

Неточные и составные рифмы в начале (второго – дома, сверкает – мелка нет), сменяются точными глагольными в конце, утверждая итог: «кусает» и «бросает». Петля (вариант: «мертвая петля», 86), змея, кусающая свой хвост (Урабо-

¹ Елена Сунцова родилась в 1976 г. в Нижнем Тагиле. Училась на художественно-графическом факультете Нижнетагильского педагогического института, на факультете журналистики Санкт-Петербургского университета. Окончила факультет «Литературное творчество» Екатеринбургского государственного театрального института. Работала журналистом. С 1995 по 2002 жила в Санкт-Петербурге, с 2002 по 2008 – в Екатеринбурге. С мая 2008 живет в Нью-Йорке. Публикуется с 1994 г. Стихи печатались в антологиях «Современная уральская поэзия: 1997-2003», «Братская колыбель», «An anthology of contemporary russian women poets» (в переводах на англ. Ники Скандиаки), в альманахах и журналах «Вавилон», «Воздух», «Волга», «Новый берег», «Стороны света», «Урал», «Черновик», «TextOnly» и др. Опубликовала сборники стихов «Давай поженимся» (2006), «Голоса на воде» (2009), книги «Лето, полное дирижаблей» (2010) и «После лета» (2011). Подготовила к печати книги стихов Екатерины Симоновой «Сад со льдом» и Евгения Туренко «Предисловие к снегопаду» (обе – М., «Русский Гулливер», 2011). В 2011 г. основала собственное издательство «Айлурос» (Нью-Йорк). Один из кураторов Всероссийской поэтической премии «ЛитератураРентген».

² Сунцова Е. После лета. – Нью-Йорк, 2011. С. 21. Далее страница указывается после цитаты в тексте статьи.

рос), исчезающий вдали хвост поезда – все это модели кольца, т.е. вечности, где смыкаются начала и концы. Так и в стихотворении об осеннем саде (поскольку книга – «После лета») сад дряхлеет, а снег – временный, рождение (утренняя зоря), краснота родившегося младенца и смерть (закат), лихорадочный румянец агонии сопоставлены по сходству:

Полон временного снегу,
сад дряхлеет на глазах,
и в серебряную сферу
ветер дует в небесах.
И рождения багрянец,
умирания багрец
тяжелы, как первый ранец,
горьковаты, как чабрец.

Обложка книги бежевого (осеннего!) цвета, на ней размещена географическая карта: Атлантический океан, слева – берег Америки (где расположен Нью-Йорк), справа – берег Европы (в том числе, и та точка, в которой располагается Петербург). Карта дана не в привычной для нас проекции на глобус-шар, а в проекции на цилиндр – так, как принято на Западе. Такая «неправильная», с нашей точки зрения, карта соответствует взгляду на восточное полушарие оттуда, с западной стороны, что визуально закрепляет жест оглядки. В центре обложки – океан, тем самым выражается «транзитное» положение героини стихов (впрочем, мотив «перелетного рейса», заданный уже Цветаевой, уже был досконально воплощен в стихах Веры Павловой, особенно в книге «Ручная кладь»). Океан – это глубины, воды, покрывшие исчезнувший материк, это бездна, разделившая разошедшиеся полушария: «Мы, укрывшись океаном, <...> оба берега оставим» (16). Так каково же «место» героини Е. Сунцовой? На дне? Мотив дна, действительно, часто встречается в книге: «можно приплыть и увидеть дно» (17), «судьба тверда и, как дно, видна» (19), «дном расцвета дышит» (29), «осколочное дно» (32), «она живет на дне» (59). «Дно», вероятно, можно истолковать как некую прочную почву под ногами. Положение героини – *между*:

...между *cogito* и *sum*,
речью и судьбой –
меж хозяином и псом,
мною и тобой. (36).

В параметрах поэтического мира также отражено положение *между*: есть точные топонимы, напр., Сылва и Тавда (80), с другой стороны – Франкфурт, Бруклин, Лос-Анжелес, Нью-Йорк. Время, очевидно, актуальное, сегодняшнее. Но в стихах Е. Сунцовой очень много ненавязчивой цитатности, отсылающей к исчезнувшему «материку» Серебряного века, который и является, видимо, «дном» сегодняшней (тяготеющей к немодернизму) поэзии. В книге упоминаются А. Ремизов, З. Гиппиус, И. Бунин, Г. Кузнецова, М. Кузмин, В. Нарбут; уже название книги вы-

зывает ассоциацию с цветаевским «После России» (после любви, после прежней жизни, после разлуки). В стихотворении «Трамвайная эпитафия» слышатся и О. Мандельштам, и Б. Пастернак, и М. Кузмин с его «форелью». Причем эти авторы присутствуют в своих трагических судьбах изгоев или эмигрантов, очевидно, они составляют некую параллель к истории жизни героини.

Я направо, ты налево,
жизнь ломает о колено
эмигрантов, иммигрантов,
поэтесс с огромным бантом.
(Сад Лен)

Г. И., И. О.
Снова нос щекочет дым —
не тебе, а им двоим —
заграничных сигарет,
у тебя которых нет.
На незанятых местах
плачут в аэропортах
те, к кому не улетишь
в Ригу и Париж.

Аллюзии и реминисценции в книге играют роль мостика, связующей нити между прошлой жизнью на родине и новой жизнью в Америке, так же, как эмигранты первой волны, утратив геополитическую родину, своим истинным «домом» ощущали русскую литературу. Цитатность у Е. Сунцовой не предполагает постмодернистской деконструкции первотекста, она естественна, иногда окрашена легкой иронией, напр.:

Мыши по небу летают,
сыр луны не берегут,
воду в замшевом Китае
вёсла-ножницы стригут.
Всё на свете убывает,
кот жалеет, что бескрыл,
рыльце лапкой умывает,
как почти два века мыл. (39)

В финале стихотворения дана отсылка к V гл. «Евгения Онегина», где говорится о Татьяне, верившей в приметы и предания: «Жеманный кот, на печке сидя, / Мурлыча, лапкой рыльце мыл: / несомненный знак ей был», что нужно ждать приезда гостей. Мыши-тучи, кстати, тоже вызывают массу ассоциаций: от «Тучек небесных» Лермонтова до популярной песни группы «Иванушки» (муз. И. Матвиенко, слова А. Шаганова), в которой тучи летают, одинокие, как люди; впрочем, здесь уже срабатывает читательская субъективность.

Круг, инверсия, цикличность – это, как известно, залог неизбежного возрождения. Идти вперед, все время оглядываясь назад, невозможно. Прошлое должно давать импульс для будущего. Общая тональность стихов Е. Сунцовой – во все не ностальгия и пессимизм. Ей 35 лет, и многое еще впереди.

Где начиналось путешествие,
там тени в коридоре шепчутся
и маятник забытый мечется,
о воздух, как о прутья, бьётся.
Галчонок-город снова солнцу
откроет рот — теплом насытится,
ряды уставших тополей
помолодеют в гольфах беленьких —
на ломти улиц и на зелень их
сияющее масло лей,
весну, как блин, переворачивай. (72)

Время-птица («времири» В. Хлебникова?) вырвется из клетки, после осени и зимы обязательно наступит весна, с разгульной масленицей и Пасхой. Тут все детали говорят не об эпитафии, а о юности и радости жизни: птенец-галчонок, девчачьи беленькие гольфы, аппетитный блин. Весенней суматохе отвечает подвижный ритм стихотворения: 11 строк, первая и последняя – пэон-4, в остальных – ямб, в большинстве строк – «фольклорное» дактилическое окончание (за исключением срединных 4-й и 5-й строк), перед финальной строкой стоят четыре зарифмованные строки, причем рифмы составные, т.е. эффектные: тополей – масло лей, беленьких – зелень их. Повторяя ритмически первую, элегическую строку, строка последняя, по контрасту, звучит с энергичной, призывной интонацией.

Замыкает книгу раздел «Сад Лен», с характерными темами дружбы, любви, встречи после разлуки, «одой» на получение Шенгенской визы... «Сад» – это, конечно, не «дно». Изменилась и лирическая героиня:

И давно не та я,
стала, как вода, я,
а была худая,
злая, молодая...(105)

Похоже, что героиня преодолела пространство «океана», перешагнула зияние «между». По мере развития сюжета «транзита» усиливается мотив протянутой руки, напр.:

...обещали, что не страшно
день преследовать вчерашний,
обещали, что помехой
станет пойманное эхом –
чтобы ландыши молчали,
колокольчики горчили,
повторяй – отча...отчалил
и шепни – при...приручили. (83)

В цикле «Манхэттенские романсы» пятое стихотворение звучит особенно легким трехстопным хореем, проникнуто ощущением покоя и легкости:

Мне так легко, пока
в твоей моя рука
покоится – со мной
звезд выводок ночной,

все страны, все моря,
месторождения.
все олеандры и
кожаменители,

все души, слезы все,
вся эта карусель –
белее скорлупы,
выносливей стопы. (104)

Надежная рука близкого человека вмещает весь мир, всю суматоху («карусель») жизни. Интонация стихотворения динамичная (один большой период, с анафорически нанизанными перечислениями, парной рифмовкой строк с мужским окончанием, причем, во второй строфе ощутима шутильная игра «сдвинутыми» ударениями в словах четных строк), устремленная к концовке. В слове «стопа», очевидно, важны оба значения: стопа как часть ноги и стопа как часть стихотворной строки, «мера» стиха. «Выносливая» стопа – залог твердого шага, готовности преодолеть долгий путь и намерение писать все новые стихи, не чураясь классической метрики. Возможно, еще и потому, что с ямбом и хореем связаны традиции именно русской поэзии – пусть и на другом берегу Атлантического океана.

Таким образом, книга «После лета» Е. Сунцовой – отнюдь не сборник разрозненных стихотворений. Оформление обложки, наличие посвящений и эпиграфов, сквозной сюжет «транзита» между частями света, заканчивающийся приходом в «сад», лейтмотивы (океан, дно, мост, река, дождь, рука и др.), единство лирического субъекта – все эти признаки говорят о том, что перед нами именно лирическая книга, завершающая определенный этап творческого пути автора.